

ДЕВУШКИ НЕ ПЕРВОЙ СВЕЖЕСТИ

НАДЕЖДА
НЕЛИДОВА

Мачо

Мачо без женины — нуль без палочки. Это они его выдумали себе на голову: брутального, самовлюблённого, пошевеливающего мускулистыми плечами, снисходительно поглядывающего сверху вниз на спутниц жизни. Выдумали, получили? Кушайте что хотели.

Надежда Нелидова

МАЧО

ГОСПОЖА ИЗ САН-ФРАНЦИСКО

Девушка, принимавшая заказы на междугородной телефонной станции, запомнила эту маленькую женщину в дорогой шубке, хрупкую, как статуэтка. Она была без головного убора, хотя еще стояли морозы. В пышных черных, сложно и небрежно причесанных волосах бриллиантовой крошкой блестели и дрожали капли растаявшего снега.

Лицо у нее было такое ухоженное, что казалось светящимся изнутри. В маленьких ушках покачивались сережки с невидными, прозрачными, как стекло, камешками. Но девушка, сидящая на заказах, знала, что эти камешки называются бриллиантами и стоят больше ее годовой зарплаты. После работы она иногда забегала в ювелирный магазин напротив и простаивала у прилавков, по очереди мысленно примеряя на себя сверкающие драгоценности с черного бархата под стеклом и привлекая суровые взгляды охранника.

Девушка на заказах не так давно занимала это место и не устала в свободное время разгадывать и сочинять разное про абонентов. Теперь ей

думалось, что маленькая изящная женщина непременно запросит что-нибудь такое: Варшаву, Париж, или Сан-Франциско... Выдумка ей понравилась.

Женщина в шубке заказала уральский со смешным неразборчивым названием. Когда по микрофону объявили, споткнувшись на названии, поселок, она быстро пробежала, стуча каблуками, душисто опаживая сидящих полами шубки.

* * *

Женщину звали Елена Андреевна. Родилась и выросла она в том самом уральском поселке со смешным названием. Когда Леночка долго не засыпала, мама, не зная других историй, рассказывала одну и ту же, про день дочкиных крестин, очень похожую на сказку про принцессу и фей.

У матери Елены Андреевны было семь сестер, и все были пристроены в приличные места: кто в общепите, кто в торговле, кто на складе. Только младшая, рыжая Эмма, была позор семьи: непонятно на что, где и с кем жила. Съехавшиеся на крестины племянницы сестры не поскупились на богатые подарки: кровать с тюлевым пологом, платица в кружавчиках, пупсиков, мягкие игрушки, кукольную посудку, погремушки...

И тощая, как кошка, Эмма, которую никто вообще-то не звал, потому что даже точного адреса ее не знали, тоже приволоклась. Развернула газетный сверток, вынула маленькое бело-розовое махровое полотенчко. Конечно, барахло, made in China, после первой же стирки расползется, полиняет, а все равно молодец. Полотенце было сплошь вышито иероглифами. Эмма у всех путалась под ногами, объясняя смысл надписи: дескать, если новорожденную утереть этим полотенцем, она станет писаной красавицей с личиком белым, как снег, щечками румяными, как заря. Но Эмма очень скоро вышла из строя, перебрав крепленого, и прикорнула на диване. Тем не менее, новорожденную уже без ее участия торжественно умыли и, несмотря на протесты и крики малышки, крепко, с ритуальными приговорами утерли полотенцем.

Дешевый подарок Эммы, как и следовало ожидать, быстро потеряло товарный вид. Им стали подтирать Леночкину попку, а вскоре и вовсе то ли разрезали на подгузники, то ли пустили на тряпки. А Эмма лет через пять вообще исчезла, говорили, уехала с очередным усатым ухажером, торговцем виноградом, куда-то в дикую горную республику, и больше не появлялась. Для порядка объявляли во всесоюзный розыск, да куда там. Кошка, она и есть кошка.

«Зато ты у нас теперь самая беленькая, самая славная девочка», — говорила мама, и это была правда. Леночка улыбалась, крепко закрывала глазки и не просыпалась до самого утра.

Мать Леночки работала закройщицей в районном быткомбинате. Не лишенная приятных внешних данных, в молодости она мечтала уехать в Москву и стать манекенщицей. Но, родив, остепенилась и посвятила себя целиком воспитанию ребенка. Она не читала педагогических книг и не слушала педагогических передач по радио. Просто она как умела готовила Леночку к семейной жизни.

Пока Леночкины одноклассницы, хорошистки и отличницы, грызли гранит науки, изучали виды и подвиды парнокопытных, зубрили спряжения и вычисляли интегралы, безжалостно снова и снова заставляя жюри на олимпиадах восхищаться их вундеркиндовскими способностями, sereneкая троечница Леночка потихоньку училась вязать свитерочки и салфеточки, печь тающие во рту «муравейники» и «полосатики», танцевать в районном ДК бальные танцы и петь под гитару слабеньким, но приятным голоском.

Когда умницы-разумницы одноклассницы, получив под туш и аплодисменты свои медали и красные аттестаты, через полчаса на танцах подпирали сугулыми лопатками стены, Леночка со

своими смоляными кудряшками, в миленьком, пошитом ею самой платьице, была просто нарасхват. Когда одноклассницы, студентки уже, корпели над учебниками и курили в университетских туалетах (кое с кем из сокурсников уже завязывались робкие романы, и даже была одна ожидающая ребенка пара, которая, не веря в собственное счастье, приняла от коменданта общежития ключ от комнаты в конце коридора у туалета), в это самое время Леночка прописалась у бездетной столичной тетки, устроилась в райвоенкомате делопроизводителем, где успела встретить(производил с целой свитой офицеров проверку), страстно влюбить и женить на себе бездетного вдовца сорока пяти лет, военнослужащего в чинах. Пройтись по улице Горького под руку с седовласым величественным мужем — это было не с курсантиком прошвырнуться по улочкам родного городка.

И поселилась Леночка в лучшем районе столицы, в квартире с паркетными и высокими потолками, в розовом доме с башенками, взметнувшимися под самое небо, как и полагается принцессе.

В один из своих приездов мать, под старость вновь игравшая в восторженную девочку, капризно пожаловалась, что у нее не все хорошо со здоровьем, районные врачи рекомендуют жить

поближе к столичным профессорам.

На это Леночка, вернее, Елена Андреевна, отставив позолоченную ложечку, которой насыпала заварку в серебряный чайник, с таким изумлением взглянула на мать, что та живо осеклась.

* * *

Елена Андреевна нигде не работала. Муж был на девятнадцать лет старше ее. А чтобы старый муж, генерал, носящий Геройское звание, заставлял юную хорошенькую жену зарабатывать на хлеб — это, знаете, и слов нет, в это никто и не поверит.

Поэтому о работе и о тех, кто ею занимался, у Елены Андреевны было смутное представление, вроде как о некоей колеблющейся производственной массе, как о сером тумане.

Когда в одиннадцать часов утра она нежилась в просторной, на полспальни, кровати и дикторы радио из соседней комнаты свежими жизнерадостными голосами сообщали об успехах на заводах и фабриках страны, о тоннах высококачественной стали и километрах крепкой пряжи, ей неизменно рисовалось одно и то же: громадный гулкий зал, грохочущие машины и бедненькие человечки, все в комбинезонах, все на одно лицо, делающие что-то однообразное, непонятное и потому пугающее Елену Андреевну.

В эти минуты она особенно ощущала, как мягка и невесома пуховая перина, в которой утопало ее тело, как толсто и тепло верблюжье одеяло, каким тонким, свежим, душистым бельем она окутана. Елена Андреевна, балуясь, начинала энергично шевелить кончиками розовых пальчиков на ногах, блаженно сжимая и разжимая их, и тихонечко смеялась.

А ведь кто-то пять часов назад вставал по звонку будильника, выходил в черноту морозной ночи, садился в промерзший угарный автобус, а потом начинал работать — и это на весь день... Бр-р, с ума можно сойти!

Елена Андреевна была освобождена и от обязанностей домашней хозяйки. В доме мужа уже восемнадцать лет жила домработница — не какая-нибудь грубая деревенская тетка, а Лидия Михайловна, миниатюрная старушечка с сухими натруженными ручками, всегда в клеенчатом фартучке, в треснувших от старости, но начищенных лакированных туфлях, в капроновых чулках. Переделав утренние дела, она садилась с «Аргументами и фактами» в кресле в прихожей, ожидая хозяина, чтобы помочь ему снять шинель, расстегнуть китель, подать тапочки и горячий обед.

Но вы ошибаетесь, если думаете, что Елена Андреевна скучала. День ее был заполнен до отказа, и к вечеру она страшно уставала.

Все утро Елена Андреевна занималась гимнастикой. Каждое упражнение носило название: «гибкий позвоночник», «осиная талия», «упругая грудь»...

И эти часы были не только не утомительны, но, напротив, были ее любимым временем суток. После упражнений она с ало горящими от напряжения и холода щеками (балконные двери распахивались настежь даже зимой), с высоко поднимающейся грудью, стояла, с наслаждением ощущая в себе каждую звонко поющую косточку, унимала и никак не могла унять дыхание.

К этому времени ее уже ждала ванна, которую готовила Лидия Михайловна, в воде нужной температуры были разведены шесть колпачков благоухающей французской пенки.

После ванны она запиралась в спальне, задергивала на окнах портьеры, включала бра — два розовых колокольчика, заливающих спальню мягким яблочным светом и становилась перед большим трюмо. Всего минуту стояла она перед ним, но этого было достаточно, чтобы зеркало в который раз было вынуждено признать:

Ты на свете всех
милее,
Всех румяней и
белее...

Нет, чем действительно могла гордиться Елена Андреевна — так это ухоженной, неправдоподобно, ослепительно белой, как свежавыпавший снег, кожей.

Бывая с мужем на вечерах, Елена Андреевна с жалостью и превосходством посматривала на окружающих ее красавиц: известных актрис, певиц, манекенщиц с лицами гладкими и неживыми, как маски.

Почти все эти женщины были давними пациентками института на Ольховке, где им периодически производились шлифовки и подтяжки (фу, какие противные слова), операции по удалению из одних мест и наращению в другие места жира и вшиванию под кожу силиконовых подушечек. Почти у всех у них хирургическим ножом были подправлены носы, уши, шеи и овалы лиц, так что натурального в писаных красавицах ничегошеньки и не оставалось.

Разговаривая, они с большой осторожностью разлепляли губы и никогда не улыбались. Ничего, кроме безусловного презрения, они не могли вызывать у Елены Андреевны, не собирающейся пошлыми уловками улучшать то, чем одарила ее природа. Улучшать было нечего.

Подруга Елены Андреевны, балерина, однажды увидела ее в спальне переодевающейся.

Хотя и не любила, как все женщины, говорить комплименты другим женщинам, не удержалась и в своей полунасмешливой манере сравнила Елену Андреевну с роскошной жемчужиной, прячущейся в раковине. Раковиной она, по-видимому, называла спальню, из которой Елена Андреевна действительно редко выходила.

«И для кого же себя бережет Елена Прекрасная? Уж не для старичка ли? — она кивнула в сторону генеральского кабинета. — Дорогая, так нельзя, это неслыханный эгоизм с твоей стороны. Все мужское население столицы попадало бы к твоим ножкам, если бы тебя сейчас видело».

Елена Андреевна усмехнулась. Это было не для нее: суетность, ничтожность торопливых, краденых любовных утех, сомнительной чистоты постели в гостиничных номерах или на даче, дежурные стоны, изображающие страсть, мерзкие запахи, затем — сковывающий тело противный липкий страх, что муж узнает, не простит. Новые знакомства — новые страхи — а значит, новые морщины... Нет, нет, увольте. Превыше всего на свете были: Комфорт, Роскошь, Покой. И на все это Елена Андреевна имела безусловное право: она честно завоевала себе место под солнцем, купила его, время от времени продавая старому мужу молодое, ослепительное тело. И чтобы тело

ценилось как можно дороже, его нужно было ежеминутно холить.

* * *

После завтрака (овощи, зелень, простокваша) приходило время масок из трав и ягод. Маски приготавливались отдельно для лица, для кожи под глазами, для шеи, рук, губ в специальных фарфоровых ступках. Елена Андреевна сама мыла и сушила ступки и марлечки.

Она лежала с маской на лице, опустив кончики пальцев в положенные с двух сторон у тахты на полу чашки с подсоленной, с добавлением лимонной кислоты водой — для укрепления ногтей. К большой досаде Елены Андреевны, ногти ее были не миндалевидной аристократической формы, а круглые и мягкие, как у ребенка, с белыми лунками.

Незаметно наступал полдень, а с ним и обязательный полуторачасовой сон. Так как Елена Андреевна привыкла держать уголки губ слегка приподнятыми, она не забывалась и на время сна и спала, приятно улыбаясь.

А ближе к вечеру — если муж был занят, а так оно почти всегда и бывало — можно было съездить к балерине. Или посвятить эти часы езде по магазинам, или встречам с косметичкой Людочкой, чье личико, возможно, единственное в Москве,

могло соперничать белизной с лицом Елены Андреевны. Или повертеться у зеркала, примеряя очередной платье у портнихи Зои, с которой Елену Андреевну свела балерина, представив Зою как «гениальную женщину».

Зоя работала портнихой-надомницей, однако же по выдумке и мастерству исполнения могла дать сто очков вперед любому модельеру. Как все гениальные личности, Зоя потихоньку спивалась.

В последнее время при разговорах с портнихой Елена Андреевна незаметно отворачивалась и сдерживала дыхание. Ничего не подделаешь, ей приходилось выслушивать отдающее смрадом бормотание Зои об одном и том же: что, наконец, ею раскрыт страшный заговор: эти геи-модельеры имели тайную сатанинскую цель — уродовать, безобразить бессловесных бедняжек манекенщиц. Нет, что они вытворяли, как только не издевались над ними, а?!

Обертывали бедняжек в куски ткани, в которых на спине или ягодицах ножницами вырезали дырки, на голову надевали какое-нибудь украшенное перьями ведро. Потом сбежавшаяся кучка коллег нетрадиционного направления поднимала восторженные ахи и охи, щелкала фотоаппаратами, с умным видом обзывала эту пакость «произведением искусства», «элитарной модой» и «эксклюзивным вариантом» и везла за

границу к таким же восторженным идиотам. Спрыгнув с подиума, девушки с удовольствием стягивали с себя «эксклюзивные варианты» и прочие плоды большого воображения и бежали одеваться у нее, у Зои. Появись они на улице в этих самых «эксклюзивных вариантах», их бы через пять минут увезли в психушку.

Зоя очень уважала Елену Андреевну — не за то, что та не скупилась и в срок оплачивала заказы, и не за то, что в трудные моменты жизни ссужала портнихе небольшие суммы денег, тут же деликатно забывая о них.

Нет, Зоя профессионально ценила в Елене Андреевне ее внешние данные, ее фигурку, на которую руки сами просились шить. Не то что прочие генеральские жены, к тридцати годам распускавшие себя донельзя. Да она (вдохновенно врала Зоя) ни за какие сокровища в мире не возьмется обшивать их, лучше чехлы на кадушки строчить. Другое дело Елена Андреевна. Все в ней выточено: тут талия, тут попа, а тут бюст — точь-в-точь разрезанный на половинки тугой, недозревший еще персик. Ей-богу, уж она, Зоя, в персиках знает толк, все-таки южанка.

* * *

Елена Андреевна искусно избегала

беременности до тех пор, пока муж не сказал: или-или. Он, в отличие от нее, детей хотел иметь очень (единственный сын от первой жены умер в детстве). И Елена Андреевна покорилась, зная, что ее мягкий уступчивый муж в определенных жизненных вопросах был непоколебим.

Елена Андреевна не хотела ребенка не столько оттого, что у нее могла испортиться фигура — а она, повторяем, любила и берегла в себе все, достойное внимания. Дело в том, что она боялась и не понимала маленьких детей. Их поведение было поведением маленьких человеческих зверьков, и никогда нельзя было угадать, что зверьки предпримут в следующую минуту: вцепятся в тщательно уложенные волосы или начнут целовать слюнявыми, липкими от конфет ртами. Они были опасны, опасны были их головки и лапки!

Однако муж требовал — она через семь лет совместной жизни забеременела. Но она негодовала из-за насилия, произведенного над ней, желала изо всех сил, чтобы беременность протекала трудно, с осложнениями, чтобы муж видел, как вредна для ее нежного организма такая нагрузка. Однако беременность была легкой, и живот у нее был незаметный, аккуратненький — не живот, а животик.

Понемногу она свыклась с предстоящим появлением третьего в их семье, только ей

непреренно хотелось мальчика. Елена Андреевна ко всему женскому полу, по годам моложе ее (это распространилось бы и на дочь) испытывала неприязнь. Все девочки были лживы, корыстны, непонятны.

Другое дело — мальчик. Она прекрасно воспитает его, отдаст в английскую школу, он будет называть ее милой мамочкой. А когда вырастет и превратится в интересного белолицего черноволосого юношу, и когда они будут танцевать на вечерах, все примутся ахать и удивляться: какая молодая мама! Или даже будут принимать их за брата и сестру, за жениха и невесту.

Роды были легкими. Разумеется, родилась девочка. А Елена Андреевна в роддоме делала маски из собственного молока, и цвет лица получался необыкновенным.

Муж возился с девочкой все свободное от службы и чтения время. Елена Андреевна немедленно возобновила капризы, заболела всяческими выдуманными болезнями. Она почти ничего не ела в последнее время, этим быстро добившись прежней миниатюрности. В первую же очередь по выходе из роддома она туго перевязала свою персиковую грудь и объявила, что у нее пропало молоко.

Ребенок не отнимал времени у Елены Андреевны: муж и домработница полностью

освободили ее от этого. И она до поры до времени почти забыла о существовании дочери на свете.

Пока неожиданно ей не пришла в голову мысль сделать из девочки Совершенство, нечто сверх меры женственное, изящное, очаровавшее бы в будущем всех: Венеру XXI века. Она уже воображала ее, к примеру, фигуристкой на льду. Представляла, будто наяву, как дочь, в блестках, в коротеньком серебряном платье, под оглушительный рев многотысячной международной публики упадет в объятия мужеподобной усатой тренерши в перстнях и мехах. И рядом крупным планом покажут Елену Андреевну в мехах и перстнях не хуже тренерши.

Она посоветовалась с балериной, и та одобрила ее замысел. Когда мужа не было дома, а Лидия Михайловна стирала в ванной белье, они обе раздели и внимательно осмотрели девочку. Нашли, что фигурка у нее вполне пропорциональна. Талия обещает быть короткой, но со временем можно будет удалить по два ребра, это нынче не проблема. А вот шейка широковата, такое впечатление, что головка растет прямо из плечиков.

Балерина почитала литературу, порасспросила знакомых, нашла адрес подмосковного умельца и заказала проволоку — наматывая ее плотно прилегающими витками на шейку, можно было постепенно добиться ее углубления за ключицы на

пять-шесть сантиметров.

* * *

Скоро муж уехал в командировку, и Елена Андреевна решила, что час пробил. В тот же вечер она выбросила матрасик. Позвоночник ни в коем случае не должен прогибаться — об этом в первую очередь предупреждала балерина. Девочка осталась лежать почти на голых досках, и ей, наверно, было холодно, но она восприняла это стоически, как маленькая спартанка.

Девочка была очень пухленькая, ее с малых лет нужно было приучать к диете. Елена Андреевна предупредила домработницу, что сама займется кормлением дочки. Отмеривая, она давала ей примерно четверть положенной порции. Девочка и это недоедание изо дня в день приняла без плача.

Однажды Елена Андреевна отвернулась, чтобы поставить на стол бутылочку с кашкой (только что она мягко и настойчиво высвободила бутылочку из напрягшихся ручонок). А повернувшись, увидела, что девочка загадочно, как ей показалось, смотрит на нее черными глазами. Елене Андреевне стало не по себе: полчаса назад она с Лидией Михайловной на кухне кушала пончики, запивая водой с сахаром (чай и кофе она никогда не пила, чтобы не потемнела кожа). Дочь

показалась ей мудрым взрослым человеком, понимающим, какие опыты производит над ней маленькая белолицая женщина, пользуясь ее спеленатым бессилием. Так показалось Елене Андреевне, и она на минутку пришла в ужас. Но опытов не прекратила — ей хотелось довести дело до конца.

На следующий день, когда балерина ушла, в очередной раз повыкручивав ручки и ножки девочки, Елена Андреевна снова поймала на себе пристальный взгляд черных глазок. И снова, ужаснувшись, подумала, что в ее дочери, по-видимому, живет старый мудрый человек, знающий то, чего не знала Елена Андреевна. Если множественность жизней и переселение душ были возможны, то Елена Андреевна и ее дочь, несомненно, встречались в предыдущей жизни, имели близкие отношения, и в той жизни они были ровесницами, или даже дочь была старше ее, и была свидетельницей какого-то преступления, совершенного Еленой Андреевной в той жизни, и была ее суровой судьей. А в этой жизни они были Елена Андреевна и дочь.

Их с балериной действия не могли остаться незамеченными для домработницы. Та донесла мужу, на днях вернувшись из командировки.

Вечером Елена Андреевна сидела в детской, натянутым махровым полотенцем, по очереди

окунаемым в тазики с горячей и ледяной водой, похлопывала по шее. Она должна была произвести ровно сто хлопков.

За ширмой в кроватке лежала дочь. Елена Андреевна чувствовала, что та не спит. Муж, войдя в детскую, спросил спокойно:

— Ты кормила Люду?

— Разумеется, — она пожала плечами, продолжая массаж. Муж кивнул. Прошел за ширму и вынес оттуда девочку. Дочь, обняв его шею руками-прутиками, не отрывала темных, по-женски загадочных глаз от Елены Андреевны. Девочка была легонькая — рука у мужа казалась поддерживающей пустоту. Он крикнул в соседнюю комнату:

— Лидия Михайловна, возьмите девочку.

Затем запер дверь на ключ и ключ положил в карман. Елена Андреевна, трусливо втянув голову в плечи, смотрела на него снизу вверх.

Муж шагнул к кроватке, скатал тонкий, как листок, матрасик, с силой швырнул его на пол. Затем с грохотом рванул, выдвинул ящик туалетного стола и вынул поочередно: проволочный ошейник, разные выточенные из дерева и металла приспособления, станочки, принесенные балериной. Последними вытащил почти полную бутылку с еще неостывшей едой. И другие бутылки с прокисшими, холодными пюре и

кашками, которые Елена Андреевна не успела вылить в унитаз. Он молча по очереди показал все это жене. Он шагнул к ней, выдернул мокрое полотенце и хлестко ударил полотенцем по щеке... Елена Андреевна закричала. Муж брезгливо сказал:

— Хоть сейчас не ври, тебе не больно.

Он размашисто походил по комнате, пытаясь успокоиться.

— Сегодня был доктор. Девочка истощена... Она уже плакать не может... понимаешь ты, плакать не может! Дрянь такая! Ты не отпирала двери патронажной сестре, наврала ей, что увезла Люду на дачу. Наврала, не отпирайся!

Челюсти у него прыгали, он всхлипывал, по его трясущимся щекам, по носу текли слезы, он морщился. Елена Андреевна сидела, втянув голову в плечи, и снизу вверх смотрела на мужа. Она никогда не видела мужчин плачущими, тем более его — сурового, седого, величественного. «Ты... Вы страшная, гнусная женщина!» — сказал он.

На следующее утро за завтраком, не глядя на жену (она решила выглядеть потерянной и жалкой, минимум косметики):

— Вероятно, вы понимаете, ваши дикие фантазии... а также ваши любовные похождения пятилетней давности на даче у Юрицких (Боже, откуда он узнал?! Или знал, но молчал?)... — у него дернулись бритые губы. — Дочь останется со

мной, — сказал он после долгого молчания.

Елена Андреевна знала, какие слова должны были заполнить паузу. Она сидела помертвевшая — это была гибель для нее. Возвращаться к нищей матери в захолустный городок? Распрощаться с роскошной столичной жизнью, с косметичкой и портнихой, с тем, без чего она уже жить не могла: без постоянного, с утра до вечера, ухода за собой, без восхищенных, провожавших ее, недосыгаемую за стеклом низкой блестящей машине, мужских взглядов? Боже, лучше смерть!

В спальне она зарыдала, ничком повалившись в подушки, вцепившись ногтями в пышные волосы. Теперь она лихорадочно соображала, полагается ли на этот случай какое-нибудь пособие, и горько сожалела, что, по совету балерины, не обзавелась знакомым адвокатом, не заключила брачный контракт. Но у нее еще оставалась надежда, что муж отойдет от гнева, одумается. Из-за такого пустяка разводиться, его за это на службе по головке не погладят.

Второй мыслью было: немедленно телеграфировать матери, умолять приехать, она поддержит. Но не сама ли Елена Андреевна не только отучила мать от ее восторженной мечты поселиться у дочери в столице, но и деликатно, постепенно дала понять, что ее гостеванье здесь нежелательно.

Оставалось одно: ждать.

Муж вместе с девочкой и домработницей временно поселился у сестры, одинокой пожилой женщины, перевез только личные вещи, детское белье, игрушки.

Скоро он позвонил, и они поговорили уже спокойно. Официального развода не будет, сказал он, по крайней мере до его выхода на пенсию. Но и жить по-прежнему в одних стенах с нею он считает невозможным. Денежную помощь по мере сил будет оказывать, но пусть Елена Андреевна начинает подыскивать потихоньку работу — вероятно, тогда дикие от безделья фантазии не ползут ей в голову.

Елена Андреевна, быстренько сориентировавшись, в свою очередь заявила, что хотя она была оскорблена напрасно (она выждала паузу; но на том конце провода молчали), она согласна не поднимать шум в высоких кабинетах при одном условии: на обмен пятикомнатной квартиры она не пойдет никогда в жизни. Пусть муж сам рассудит: равных их квартире по планировке, по расположению дома в Москве раз-два и обчелся.

Скоро она совершенно успокоилась, узнав от знакомой подполковницы, что муж отделяет под жилой дом дачу в Мытищах.

А ровно через две недели Елена Андреевна

получила деньги от мужа и возликовала: он переслал ровно треть зарплаты!

Но не могла же она убирать безраздельно отныне ей принадлежавшие пять комнат! Елена Андреевна переборола злость (из-за этой вредной доносицы-старушонки заварилась каша) и позвонила Лидии Михайловне. Сначала строптивное дрянцо категорически отказало ей в просьбе и даже бросило трубку. Но через день все же она приехала, открыла дверь своим ключом и молча привычно и быстро произвела уборку.

Наверняка, муж заставил ее. И Елена Андреевна возликовала вторично: ну конечно, он одумается, вернется. Ютиться втроем в развалюхе, на урезанной зарплате... И потом ночные воспоминания о ее соблазнительно-покорном ослепительном теле сведут его с ума.

Наиболее досадным неудобством было то, что она совершенно не умела распорядиться деньгами, в этом вопросе была беспомощнее ребенка. Уроки экономии, в свое время преподанные матерью, давно выветрились из памяти, от хозяйственных забот ее освободили муж и Лидия Михайловна. Денег не хватало, и это было ужасно неприятно. Вероятно, поэтому в последнее время косметички Людочки все чаще не оказывалось дома, а пьяненькая Зоя в десятый раз лезла с поцелуями и божилась, что через неделю платье точно будет

готово к примерке.

Однажды ей даже пришла в голову мысль: самой подать на развод и вторично выйти замуж, сделав еще более блестящую партию. Пусть ее избранником станет артист, писатель, еще лучше состоятельный иностранец. Но вспомнила, что она является не выездной как супруга военного чина — даже здесь муж сумел насолить ей. И потом новое замужество — это новые хлопоты. А новые хлопоты — новые морщины.

Волей-неволей пришлось Елене Андреевне подыскивать работу.

Окончить бухгалтерские курсы, устроиться куда-нибудь в учреждение, где в тесном кабинетике (да привыкшая к свежему воздуху Елена Андреевна сразу в обморок упадет!) шуршать пыльными бумажками, слушать, как хвастаются друг перед дружкой убогими двухсотрублевыми кофточками и духами-суррогатами, сплетничают, и пьют суррогатный чай десяток ученых московских дам — одна умнее, начитаннее и безобразнее другой — это было не для Елены Андреевны. Они будут злобно завидовать ее нарядам, туфлям, ее косметике, ее ослепительной коже, а за глаза станут называть «тупицей» и «генеральшей»... Ну, нет.

Выручила балерина. Она предложила устроиться во вневедомственной охране, в ее театре. Елена Андреевна расплакалась: Бог мой, до

чего она дошла — работать сторожем, в фуфайке, с берданкой за плечами! Но потом поняла, что лучше места ей в жизни было не сыскать. Через две ночи на третью она подъезжала к театру, проходила в теплую комнатку под служебной лестницей, вынимала из потайного шкафа раскладушку, из сумки — атласную подушечку и, сделав массаж и наложив на лицо крем, засыпала на всю ночь младенческим сном. И во сне держала уголки рта приподнятыми.

* * *

С балериной они дружили с незапамятных времен — если можно считать дружбой совместные чаепития в столице и ежегодные умопомрачительные поездки на море, в военный санаторий по путевкам мужа — сам он предпочитал отдыхать у отца на Мещере.

Это была единственная близкая женщина из знакомых Елены Андреевны, и Елена Андреевна была единственной близкой знакомой балерины. Они как бы делали друг для друга исключение.

Они созванивались, Елена Андреевна подъезжала, звонила бронзовым колокольчиком. Дверь открывала высокая угрюмая домработница. Она проводила гостью через множество комнат с паркетными полами, с высокими сводчатыми

потолками.

В кабинете хозяйки по углам стояли высокие, в рост человека антикварные вазы с искусственными, мертвыми пыльными цветами, на полках — дореволюционные костяные, в трещинках, пожелтевшие бюстики. Громоздился, на ножках в виде львиных лап, письменный стол, заваленный бумагами, раскрытыми томами книг. Все это, как водится, было покрыто слоем пыли. В такой обстановке было бы очень эффектно снимать мемуарный фильм о старейшей балерине отечественной сцены.

Они касались уголками накрашенных губ. Балерина выставляла на стол витую серебряную корзиночку с печеньем, шоколадными конфетами, коньяк, две серебряные чарочки. Домработница приходила, всегда чем-то рассерженная, со стуком опускала на стол крошечный серебряный подносик с дымящимся кофейником, чашку размером с ноготок. Перед Еленой Андреевной ставился высокий стакан с прохладной водой и вазочка с медом.

Балерина была старая, страшненькая: раздвигая плоские губы и показывая крупные плотные зубы, становилась похожей на улыбающуюся лошадь. Волосы она по привычке туго зачесывала кверху. Крупные желтые ушные раковины отягощались массивными серьгами,

почти касающимися плеч. Шея у нее была худая, обвитая жилами, как веревками, ключицы широкие, сильные. И руки у нее тоже были сильные, жилистые, как у мужчины.

Но у нее еще со сцены сохранилась жеманная привычка скромной девочкой взглядывать на собеседника из-за опущенных тяжелых, будто наклеенных ресниц, пожиматься, точно ее щекотали. В середине разговора она сдвигала вперед большие плечи и вытягивала, как нежившаяся кошка, стройные сильные ноги.

Балерина по полчаса тянула коньяк из микроскопической чарки и говорила что-то о предстоящем сезоне в Гаграх (они намечали его зимой), о работе с тупыми толстоногими ученицами, о безмозглых мужчинках... Слушая ее, очень хотелось заплакать или заснуть.

— Всё молодеешь. Это у тебя который раз пластика? — вдруг просыпалась балерина.

Елена Андреевна делал вид, что не замечает бестактности. Вредная подруга гнула своё:

— С первого взгляда вижу, дамочек с подправленными хирургическим ножом носами и шеями. Маски, а не лица. Сидят, бедняжки, губы боятся разлепить.

На этот счет у Елены Андреевны было свое мнение. Красота и не должна суесться: гримасничать, морщиться, подмигивать.

В последнее время темы разговоров приобретали направленность, которая и нравилась, и смущала Елену Андреевну.

«Он будет обязан тебе по гроб жизни, — убеждала балерина. — На всю жизнь станет твоим рабом. Читала про Клеопатру: смерть за одну ночь с царицей. Ты для него такая же царица.

Но чем ты его привяжешь? Квартира, и только квартира. Пять, ну десять лет еще твои. Кожа, грудь, шея — это предатели, враги номер один для женщины. Рано или поздно он уйдет к молодой, целлулоидной кукле... Квар-ти-ра. Он будет отрабатывать ее в поте лица.

Он — это Вовчик.

Елена Андреевна смутно помнила, в какой момент появилось такое судьбоносное явление, в ее жизни, как Вовчик. Осенним промозглым вечером сидели с балериной в уютном подвальчике, пили легкое, как лимонад, цвета расплавленного аметиста вино. Легкое-то легкое, но если за первой бутылкой просится вторая, потом третья...

К ним запросто подсел здоровенный, под два метра юноша с жиденьким хвостиком за плечами, с квадратным пикассовским торсом. «А вот и Вовчик, — нежно лаская его глазами, сказала балерина, — наша будущая гордость...» Она назвала какой-то вид спорта, кажется, плавание.

Елена Андреевна, слегка под шофе, прищурившись смотрела на Вовчика и бесстыдно воображала его голым, мускулистым, масляно блестящим от пота, совершающим извечный сладкий мужской труд над распростертым женским телом.

И тело это принадлежало Елене Андреевне.

Потом еще пили вино, танцевали, потом взяли такси и помчались на окраину города, где лимитчик из Белоруссии и будущая гордость отечественного плавания Вовчик снимал девятиметровую(как он там умещался?!) комнату. Балерина исчезла. Видение Елены Андреевны реализовалось в богатейших подробностях, и даже более того. Всю ночь она будто взмывала на гигантских качелях, с колотящимся, замирающим сердцем ухаля вниз — и вновь взмывала — и так до самого утра, а Вовчик оставался свеж и полон сил, только душ принимал.

Запомнилось, что Вовчик был неслыханно для молодого человека экономен: под шлепанцы приспособил старые полуботинки 47-го размера, у которых были отрезаны задники. Тяжелые каблуки оглушительно стучали и хлопали по голому полу. Непонятно, как эту канонаду терпели нижние соседи.

Еще что-то малозначительное коробило Елену Андреевну потом при их встречах. Например, когда по телевизору показывали кадры разрушенной селевым потоком грузинской деревни(возможно,

там рабски выращивала виноград несчастная тетя Эмма) и сообщали, сколько сотен тысяч долларов перечислил на ее восстановление международный гуманитарный фонд. Вовчик немедленно деловито брался за ручку, переводил по курсу доллары в рубли, рубли в евро, крутил головой, жмурился: «Эх... что бы им стоило отстегнуть нам на коттеджик. Для них это тьфу, нуль, они бы и не заметили». Он надолго задумывался, и Елена Андреевна неприязненно угадывала его ход мыслей: «они», несомненно, это старые гримзы-миллионерши из благотворительного Фонда, с шеями в мелких трещинках, как засохшее тесто — их в свою очередь, взялся бы ублаготворять небрезгливый Вовчик...

Или, расчувствовавшись, он принимался отчаянно сокрушаться, что в известные 31 мая во время народных гуляний был свидетелем давки в минском метро, а вот видеокамеру не сообразил включить: «Главное, она у меня с собой была, понимаешь?! Такие кадры, ты бы видела, там одну девушку по стенке размазали, как таракана. Это почему бы у меня купили пленку на телевидении, а, как ты думаешь?»

Он назойливо убеждал Елену Андреевну, что выбрасывать тубы из-под зубной пасты и кремов, тем более купленные по полсотне долларов — это страшное расточительство. Если разрезать

использованный тюбик, то — практика показывает — зубной пасты там остается минимум на три дня, а крема вообще на неделю. И принудил-таки Елену Андреевну выколупывать остатки крема из пол-тюбика. Конечно, она сразу порезала об острый алюминиевый срез нежный пальчик, кровь долго не унималась...

Но в постели он был Бог, и еженощно взмывали и падали в пропасть качели, и за это можно было простить и занудность, и порезанный палец, и минское метро, и гримз из гуманитарного фонда.

...Она прокручивала в уме, как кадры эротического фильма, подробности очередной ночи...

Как властно и нежно он умел вскрывать ее розовые створки раковины. То вкрадчиво-нежно, как вор, то безжалостно-грубо проникал в узкое нежнейшее пространство, которое существует единственно для того, чтобы его заполняла мужская плоть, ради чего появляется на свет женщина. Как он тщательно, нестерпимо, мучительно-нежно исследовал, изучал, обживал сомкнувшуюся розовую раковичную полость. Искал, находил, преникал, насыщался, набухал и орошал, и долго еще не успокаивался, могуче ворочаясь и содрогаясь.

— Женщину нужно уметь вкусить, —